

Евнух угадал: император пребывал в на редкость скверном расположении духа.

Известие о прибытии в столицу Великой принцессы поначалу развеяло тучи, сгустившиеся над государем. К старшей сестре, принесшей немало жертв ради его восхождения на трон, он по-прежнему относился с искренним почтением.

Но крохи этой радости бесследно испарились, стоило ему войти в покои вдовствующей императрицы. Великая принцесса рыдала столь безутешно, что едва не лишалась чувств. Рядом стонал Фан Цзо: его лицо превратилось в багровое месиво, восемь пальцев из десяти были раздроблены, и с них все еще капала кровь. Прежде безупречное синее парчовое одеяние юноши измялось и потемнело, насквозь пропитавшись бурыми пятнами.

Лишь недавно Фан Цзо забылся беспамятством, но вмешательство придворных лекарей заставило его прийти в себя. Теперь он истошно вопил, мешая стоны боли с яростными, грязными проклятиями в адрес Хан Сиэня.

Слушая этот невыносимый визг и сбивчивые жалобы стоящей на коленях сестры, император укрепился в своей первой догадке: подобное безумие было абсолютно в духе Хан Сиэня.

Во всей Великой Чжоу не нашлось бы второго безумца, который посмел бы без тени сомнения переломать пальцы единственному сыну Великой принцессы. Государю порой казалось, что этот юноша — не кто иной, как ходячая катастрофа, рожденная лишь для того, чтобы сеять вокруг себя хаос.

Мрачнее государя была лишь его царственная мать. Вдовствующая императрица величественно восседала на резном ложе, устремив на сына холодный, колющий взгляд. Последние годы она вела уединенную жизнь и редко вмешивалась в дела дворца, отчего это суровое выражение лица казалось еще более зловещим.

При виде этого взгляда император ощутил мимолетный укол старого страха. В памяти невольно всплыли первые годы его правления, когда властная мать держала его в ежовых рукавицах, не позволяя сделать и шагу без ее соизволения.

Впрочем, морок быстро рассеялся. Он давно перестал быть робким юнцом, за чьей спиной стояла грозная регентша. Десятилетия на драконьем троне вытравили из его души остатки прежнего трепета перед матерью, а секундная дрожь была лишь отголоском детского послушания.

Заметив, как лицо сына разгладилось, вернув себе холодное и даже жестокое выражение, вдовствующая императрица слегка опустила веки. Повернувшись к захлебывающейся слезами дочери, она мягко промолвила:

— А-Юань, дитя мое, успокойся и расскажи все по порядку. Император не оставит это без внимания и непременно восстановит справедливость.

Вкрадчивый тон матери мгновенно умерил сочувствие императора к сестре. Мысленно укорив себя за то, что переносит раздражение на Великую принцессу, он справился с эмоциями и заставил себя мягко улыбнуться:

— Матушка совершенно права. Сестра, если этот нечестивец действительно добрался до столичных пригородов, я немедленно велю доставить его сюда. Пусть вымолит у тебя прощение.

Услышав эти слова, Великая принцесса внутренне вздрогнула. Она слишком хорошо знала характер своего венценосного брата. За кажущимся сочувствием скрывалось полное отсутствие гнева на обидчика. Он обещал лишь заставить Хан Сиэня извиниться, но даже не упомянул о наказании. Стало ясно: этот молодой наследник пользуется у государя исключительным покровительством.

Множество мыслей пронеслось в ее голове за долю секунды. Справившись с рыданиями, она подняла заплаканное лицо к императору, позволяя безмолвным слезам катиться по щекам. Глубоко вздохнув, она заговорила прерывистым, но твердым голосом:

— Благодарю Ваше Величество за милость. Знаю, в случившемся есть и моя вина — этот ребенок дался мне слишком тяжело, и за долгие годы я чрезмерно разбаловала А-Цзо, отчего он вырос излишне своенравным и, должно быть, повел себя непочтительно перед наследником Ханем. Я все понимаю, но угасающий род Фан ныне держится на одном моем сыне. У меня не поднимается рука карать его строго, ведь если покойный супруг узнает об этом в чертогах предков, он никогда не простит мне жестокости к нашему единственному наследнику.

Слова о том, как нелегко сестре дался единственный ребенок, вызвали в груди императора глухую тоску. Великая принцесса вернулась в столицу лишь потому, что три года назад ее супруг, генерал Фан Тянь, скончался от старых ран в приграничных землях, где и был предан земле.

Одинокой вдове было не место на беспокойном рубеже, и Вдовствующая императрица велела ей возвратиться во дворец, дабы окружить заботой.

К тому же, выйдя когда-то замуж за генерала Фана, Великая принцесса долгие годы оставалась бездетной. Обладая упрямым и гордым нравом, она не желала мириться с клеймом бесплодия.

Ради долгожданного дитя она обошла всех лекарей поднебесной, годами изнуряла себя горькими снадобьями и лишь по счастливой случайности сумела понести. Фан Цзо стал ее главным сокровищем, ее единственным светом в окошке.

Фан Тянь, впрочем, никогда не попрекал жену отсутствием наследника, оберегая ее покой с прежней нежностью. Но стоило Фан Цзо родиться, как счастливый отец буквально вознес его до небес. Тот скверный характер, которым ныне щеголял юноша, был выпестован совместными усилиями обожавших его родителей.

Перед мысленным взором императора предстал образ покойного Фан Тяня — неказистого с виду, но яростного и неодолимого в бою. Государь тяжело вздохнул. Взойдя на трон, он поначалу с подозрением относился к старому воину, пользовавшемуся безграничным доверием прежнего императора, и постепенно лишил его большей части власти. Однако Фан Тянь ни словом, ни делом не выказал обиды. Он оставался преданным слугой престола, по первому же зову отправлялся на самые опасные рубежи и стяжал немало воинских заслуг.

Оценив верность генерала по достоинству, государь осыпал его наградами, продвинул по службе и навсегда усыпил свои подозрения.

Воспоминания смягчили сердце правителя, и взгляд его, устремленный на Великую принцессу, потеплел:

— Ты лишилась мужа, и твоя безмерная любовь к единственному чаду вполне естественна. Я не оставлю это дело без внимания. Обещаю, Хан Сиэнь ответит за свое самоуправство, и справедливость восторжествует.

Великая принцесса низко склонилась, коснувшись лбом холодного пола:

— Нижайше благодарю Ваше Величество за великую милость.

Хан Сиэнь едва переступил порог столицы, как его настиг срочный императорский призыв. Поскольку Гао Фэн со своими стражами были заняты охраной изъятой казны, сопровождать молодого человека во дворец они не могли.

Бай Шу рвался тайно проникнуть за дворцовые стены, но Хан Сиэнь, разгадавший его безрассудный порыв, вовремя пресек эту затею. Каким бы непревзойденным мастером боевых искусств ни был Бай Шу, самовольно вторгаться в чертоги правителя было безумием. Обнаружив лазутчика, император мгновенно вынес бы смертный приговор не только ему, но и генералу Бай Вэньханю.

Ни один монарх не потерпит мысли, что по его покоям может бесшумно разгуливать чужак.

В итоге Хан Сиэнь отправился один. У самых ворот его уже поджидал великий внутренний управляющий — вечно улыбающийся евнух Юань Бао.

Спустя столь долгий срок Хан Сиэнь снова переступил порог запретного города. Скользя взглядом по неизменно радушному лицу евнуха, он вдруг подумал, что столичная жизнь все же не лишена очарования. Люди в столице были куда занятнее провинциалов.

А уж обитатели императорского дворца — и подавно. Сладкие, приторные улыбки на их лицах

уживались с непрерывной, изощренной работой ума, скрывающей самые коварные помыслы.

По дороге к покоям вдовствующей императрицы Юань Бао вкрадчиво промолвил:

— Давненько мы не лицезрели господина наследника, хотя вести о ваших славных деяниях доходили до столицы регулярно. Сегодня Его Величество и Вдовствующая императрица изволят пребывать в прескверном расположении духа. Полагаю, вы и сами догадываетесь о причинах?

Хан Сиэнь прекрасно понимал: за каждым словом и намеком этого хитрого слуги стоит воля самого императора. Юань Бао лишь озвучивал монаршее предостережение.

Слегка приподняв уголок губ в ленивой усмешке, Хан Сиэнь без лишних экивоков ответил:

— Благодарю за заботу, евнух Юань. Раз уж Великая принцесса лично явилась с жалобами, то гнев Его Величества и Вдовствующей императрицы вполне объясним.

Великий управляющий, прославшийся во дворце непревзойденным хитрецом, на миг утратил самообладание — на его лице отразилось искреннее изумление. Посмотрев на невозмутимого юношу, он в очередной раз ощутил прилив глубокого уважения. За одно лишь это редкое бесстрашие стоило держаться поближе к Хан Сиэню.

Но стоило Хан Сиэню сделать первый шаг под своды покоев вдовствующей императрицы, как в него полетела фарфоровая пиала. Государь, чей слух уже не первый час терзали безутешные рыдания сестры и истошные вопли племянника, сорвал на нем свою злость.

Пиала оказалась пуста. Пролетев мимо плеча Хан Сиэня, она с сухим звоном разлетелась вдребезги у него за спиной.

В висках государя тяжело стучало. Смерив вошедшего яростным взглядом, он выплюнул:

— Полюбуйся на свои художества!

На лице Хан Сиэня проступило выражение кроткой, почти застенчивой признательности. Он почтительно склонил голову:

— Ваше Величество излишне добр к своему слуге. Искоренять казнокрадство по вашему высочайшему велению — мой прямой долг, так что хвалить меня за усердие право не стоит.

Государь лишился дара речи. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание сделалось прерывистым. С какой стати этот паршивец решил, что его хвалят? Нужно обладать поистине бездонным бесстыдством, чтобы истолковать яростный бросок пиалы как знак одобрения. Пожалуй, Хан

Сиэнь был единственным человеком во всей империи, способным на столь наглую уловку.

"Какая непробиваемая наглость", — эта мысль невольно объединила всех присутствующих в зале.

— Бедствие в Цзяннани — дело государственное, и наследнику Ханю не пристало выслуживаться перед Его Величеством в моих чертогах, — ледяной голос вдовствующей императрицы нарушил воцарившуюся тишину. — Я лишь желаю знать: чем Фан Цзо столь сильно разгневал тебя, что ты безжалостно раздробил ему пальцы и навек лишил будущего?

Слова высокопоставленной госпожи сочились тонким ядом, однако в них крылась непреложная истина.

Окружающие полагали, будто Вдовствующая императрица разгневалась исключительно из любви к дочери. Однако Хан Сиэнь ведал истинную причину ее ярости: нанеся удар по казнокрадам в Цзяннани, он разрушил ее теневую сеть влияния. Вдовствующая императрица давно жаждала его гибели и теперь ухватилась за первую же возможность втоптать ненавистного юнца в грязь.

Впрочем, страха перед ней он не испытывал. Скользнув взглядом по лицам императрицы и принцессы, он изобразил на лице крайнее замешательство:

— Как странно... Неужели Великая принцесса до сих пор не поведала Вашему Величеству, за какие прегрешения ее сын лишился пальцев?

С этими словами он обратил на Великую принцессу исполненный смирения и признательности взор, после чего церемонно поклонился:

— Когда Великая принцесса столь поспешно покинула пригороды, я грешным делом предположил, что она устремится во дворец искать заступничества. Но я жестоко ошибся в благородстве вашей души! Скрыть позор собственного сына ради блага государства — поступок истинно великий. На фоне вашей мудрости подозрения вашего ничтожного слуги кажутся черной неблагодарностью. Покорно прошу простить мне эти недостойные мысли.

Он выпалил эту тираду столь стремительно, что присутствующие не успели опомниться, при этом лицо его хранило выражение абсолютной, кристально чистой искренности.

Стоявший за плечом государя Юань Бао едва не поперхнулся от изумления. Глаза Великой принцессы давно опухли от слез, и было очевидно, что она пришла жаловаться. Хан Сиэнь же с невозмутимым видом обвинял царственную особу в двуличии, выставляя ее лгуньей перед лицом монарха.

От подобной дерзости Великая принцесса залилась краской гнева и, шумно глотая воздух,

покачнулась, готовая лишиться чувств.

Император заинтригованно приподнял брови. Но прежде чем он успел вставить слово, Вдовствующая императрица рывком поднялась со своего ложа. Ее глаза метали громы и молнии:

— Дерзость!

От ее яростного окрика и без того душный, наэлектризованный воздух в покоях мгновенно заledenел.

Скорчив обиженную мину, Хан Сиэнь упрямо взглянул на императора:

— Но ведь ваш слуга не солгал ни единым словом.

От этого детского взгляда у государя разом разболелись зубы и заломило в висках.

— Раз ты смеешь упорствовать в своем бесстыдстве перед моим лицом, я самолично покараю тебя и восстановлю честь Великой принцессы, — ледяным тоном изрекла Вдовствующая императрица.

Почуввав неприкрытую жажду крови, Хан Сиэнь искусно изобразил панику и выпалил на одном дыхании:

— Неужели Вдовствующая императрица желает заставить меня замолчать, даже не выслушав правды? Фан Цзо совершил неслыханное святотатство: он выказал пренебрежение к священной особе императора и лелеял изменнические замыслы! Мой поступок — ничтожно малая кара за столь тяжкий грех. Или же Вдовствующая императрица сознательно покрывает этого бунтовщика с волчьим сердцем?

Громкий, дерзкий голос юноши эхом разнесся под высокими сводами покoев, вновь погрузив присутствующих в оцепенение.

Император нахмурился, его взгляд потемнел. Смерив Хан Сиэня тяжелым взором, он приказал ледяным тоном:

— Объяснись. Выкладывай все как есть.

<http://bllate.org/book/20088/2002022>